

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 99–108. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 99–108. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09”19”

EDN NDSJVS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-99-108>

«КОЗЬМА ЗАХАРЫЧ МИНИН, СУХОРУК» <ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ> А.Н. ОСТРОВСКОГО В ДИАЛОГАХ ВРЕМЕНИ: ПОЗНАНИЕ НАРОДА

Михновец Надежда Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт Петербург, Россия, mikhnovets@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

Имансу Александра Сергеевна, магистр филологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт Петербург, Россия, imans2001@mail.ru

Аннотация. Первой исторической хроникой А.Н. Островский включился в острые дискуссии начала 1860-х гг. об основах жизни народа и его самоуправлении. Авторы статьи выявляют особенности историософской позиции драматурга, оригинальность которой была предопределена обращением к историческим документам XVI–XVII вв. В статье впервые в островковедении утверждается, что внимание А.Н. Островского к событиям XVII в. связано с его представлением о коренном изменении в народном миропонимании, произошедшем во времена Смуты, когда свершался переход от страха перед Божьим судом к осознанию собственной вины и ответственности за происходящие события. Впервые проанализирован евангельский контекст пьесы, введение которого было обусловлено желанием драматурга определить идеал, способствующий формированию «образа будущего».

Ключевые слова: А.Н. Островский, «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», первая редакция, Ф.М. Достоевский, Ап. Григорьев, народное самоуправление, государственная власть, евангельский текст.

Для цитирования: Михновец Н.Г., Имансу А.С. «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» <Первая редакция> А.Н. Островского в диалогах времени: познание народа // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 99–108. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-99-108>

Благодарности. Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 54-ВГ).

Research Article

“КОЗ’МА ЗАХАР’ИЧ МИНИН, СУХОРУК” <FIRST EDITION> ALEXANDER OSTROVSKY IN THE DIALOGUES OF TIME: UNDERSTANDING OF PEOPLE

Nadezhda G. Mikhnovets, DSc in Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint-Petersburg, Russia. mikhnovets@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

Alexandra S. Imansu, Master of Philology, Herzen Russian State Pedagogic University, Saint-Petersburg, Russia. imans2001@mail.ru

Abstract. With his first historical chronicle play, Alexander Ostrovsky inserted himself into the heated debates of the early 1860s concerning the foundations of the people’s life and their self-governance. The authors of the article reveal the specifics of the playwright’s historiosophical position, whose originality was predetermined by reference to historical documents from the 16th and 17th centuries. For the first time in Ostrovsky studies, the article has asserted that Ostrovsky’s address to the events of the 17th century is linked to his concept of a fundamental change in the people’s worldview that occurred during the Time of Troubles, when there was a transition from a fear of God’s judgement to an awareness of one’s own guilt and responsibility for unfolding events. For the first time the evangelical context of the play was analysed, the introduction of which was due to the desire of the dramatist to define an ideal that contributes to the formation of an “image of the future”.

Keywords: A.N. Ostrovsky, «Koz’ma Zakhar’ich Minin, Sukhoruk» (1st ed.), Fyodor Dostoyevsky, Appolon Grigoryev, people’s self-government, state power, Orthodoxy, Gospel text.

For citation: Mikhnovets N.G., Imansu A.S. “Koz’ma Zakhar’ich Minin, Sukhoruk” <First Edition> Alexander Ostrovsky in the dialogues of time: understanding of people. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 99–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-99-108>

Acknowledgments. The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 54-VG).

В 1856 г. Островский начинает работу над драматической хроникой «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (далее – «Минин»), после «москвитянинских» пьес (1852–1855) продолжая размышлять об истоках народной самобытности и на этот раз – сквозь призму истории России. К 1860-м гг. мысль о глубинной сущности русского народа выходит на первый план в его историософских исканиях.

Драма «Гроза» и ее театральные воплощения в Москве и в Санкт-Петербурге вызвали, как известно, беспрецедентную по своему размаху дискуссию. Драматург не предполагал столь восторженного восприятия пьесы революционно-демократической частью русского общества, подхватившей идеи статьи Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860). Однако Островскому не была близка позиция этого критика: драматург отнюдь не стремился подвергнуть резкой оценке патриархальный мир и противопоставить ему якобы взбунтовавшуюся Катерину. Неожиданным для него был и отклик братьев Достоевских, в развернутой статье которых в связи с самоубийством Катерины было выражено сомнение в знании Островским русского народа (см.: [Михновец 2021]). Правда, спустя год Ф.М. Достоевский смягчил критику: во введении к «Ряду статей о русской литературе» (1861) он заявил: «...мы все-таки до сих пор очень плохо знаем народ» (курсив наш. – *H. M., A. I.*) [Достоевский 18: 66]. Представление о незнании русского народа¹ было распространено и на других («мы»). Однако это не изменило сложившуюся ситуацию: Островский принял вызов и вернулся к замыслу «Минина», погрузившись в дальнейшее изучение народной темы.

В январе 1862 г. в журнале «Современник» была опубликована пьеса «Минин» <Первая редакция>. Для Островского главным предметом осмыслиения стал народ, а центральной проблемой – его единство. Эта первая драматическая хроника потерпела «неуспех», который, по словам драматурга, он предвидел [Островский 1979: 165]: его позиция не отвечала общественно-политическим настроениям времени.

В отечественном литературоведении впервые к теме народа в качестве самостоятельного предмета исследования в исторических пьесах драматурга обратилась в 1974 г. М.М. Уманская [Уманская], а затем в 1976 г. Л.М. Лотман [Лотман]. Обе исследовательницы отмечали, что народ у Островского предстает как главное действующее лицо. Он проявляет «свою умственную самостоятельность, свои творческие силы» [Лотман: 541], однако действует как «“смятенная”, взволнованная, обуреваемая политическими страстями толпа, народная масса» [Лотман: 537]. В свете широко распространенного в советское время представления о стихийности народных масс, нуждающихся в руководстве, вполне закономерно говори-

лось о народе как о «толпе» и «массе». Вместе с тем у такого подхода к вопросу о роли народа, о чем будет сказано ниже, были глубокие корни.

В современном островковедении И.А. Овчинина указывает на принципиальную важность народной темы для Островского, рассматривающего народ не как социальный феномен, а как национальный [Овчинина 2000]. Проанализировав «Минина» в рецепции литературной критики, И.А. Овчинина выявила, что большинство рецензентов отрицательно оценили хронику [Овчинина 2016]. Тема народа и его единства в критических статьях рассматривалась лишь косвенно.

П.В. Анненков – один из немногих современников Островского, кто в полной мере отреагировал на замысел драматурга сделать народ главным действующим лицом хроники, на постановку и рассмотрение проблемы его единства. Говоря об эпохе Смутного времени, наиболее всего интересовавшей Островского, критик указывал на неоспоримую причастность событий 1611–1612 гг. к числу «святых дел», «чтимых народной памятью» [Анненков: 397]. Анненков указал на историческую память как на важнейший фактор народного единства².

В историческом событии 1612 г. отразился «дух народа, некогда явившийся воочию» [Анненков: 399]. Такое прошлое становится духовным ориентиром для будущего, П.В. Анненков совершенно справедливо пишет: «...в нем (в святом деле. – *H. M., A. I.*) народ, сквозь призму своего религиозного настроения, видит самого себя в лучшем, блистательнейшем, идеальном виде, в каком только он может сам представить себя» [Анненков: 399].

Объясняя причины, почему многие современники не поняли новую пьесу Островского, П.В. Анненков актуализировал важнейшую проблему знания и понимания русского народа. Критики, по его мнению, ставили под сомнение само существование народа как нравственного единства. Общая точка зрения сводится, в понимании П.В. Анненкова, к следующему: «прежде чем заниматься поэтической думой народа, надо по крайней мере удостовериться есть ли самый народ, понятый, разумеется, не в смысле сборища единиц, живущих как пришлось... а в смысле нравственного лица, хранящего свои дорогие предания, имеющего свой взгляд на историю» (курсив наш. – *H. M., A. I.*) [Анненков: 405]. П.В. Анненков не был согласен с подобным мнением, он не ставил под вопрос существование «духовных стремлений» народа, который помнит свою историю и имеет к ней «свои глубокие симпатии и антипатии» [Анненков: 405].

Драматург, внимательно следивший за развитием исторической науки в середине 1850–60-х гг. и хорошо знавший направления общественной мысли, имел свои представления относительно русской истории

и роли народа в ней. Несмотря на близость взглядов с почвенниками, Островский стоял обособленно от них.

В вопросах о соотношении народа и власти, о народном самоуправлении Ап. Григорьев разошелся с историком С.М. Соловьевым, полагавшим, что государство – это и есть сам народ в его развитии, поэтому их нельзя отделить друг от друга. Главенствующую роль в этом единстве, по мнению С.М. Соловьева, играет именно государство, без которого народ – «нестройный, бесформенный материа́л» [Соловьев: 7]. Будучи частью государства, народ приобретает «способность к исторической жизни», «становится политическим лицом, с своим определенным характером, с своим кругом деятельности, с своими правами» [Соловьев: 7].

Ап. Григорьев видел основу исторического пути России в общинной форме жизни. Он не разделял воззрения историков-«государственников», для которых становление родового быта было тесно связано с утверждением «монархического (первоначально княжеского) единовластия» [Носов: 134], то есть с процессом централизации. В письме к В.П. Боткину в конце апреля 1856 г. Ап. Григорьев, говоря о двух сложившихся в истории направлениях: родовом и общинном, критически отзывался о «родовиках», «уже состарившихся и отцветших», а во главу «общинников», обладающих «чутьем всего живого и русского» поставил Островского [Григорьев 1999: 111–112], не раз называя писателя истинно народным поэтом.

В 1860-е гг. – эпоху Великих реформ Александра II – пристальное внимание общества было обращено к вопросу об истории народного самоуправления в России, «сам дух времени способствовал поискам истоков демократических начал на Руси» [Лукин: 99]. Главным предметом научной исторической мысли в эти годы стало вече, которое существовало в древнерусских городах вплоть до XIII в., а затем постепенно исчезало в связи с усилением княжеской власти. Только в Новгороде и Пскове сохранилась вечевая форма правления до конца XV – начала XVI в.

Ап. Григорьев поддерживал мысль о важности вече, в частности Новгородского и Псковского, в истории народовластия. Однако, связывая причины распада вечевого устройства Руси с монголо-татарским нашествием, он особое значение придавал Владимиро-Суздальскому княжеству (Северо-Восточная Русь), сплочение которого в XII–XIII вв. происходило во имя сохранения русских земель и противостояния внешней угрозе. Ап. Григорьев писал: «великое дело начинает совершаться на Северо-Востоке собирателями земли русской, дело с одной стороны отрицательное, с другой стороны хранительное» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Григорьев 1859: 14]. В отличие от С.М. Соловьева, Ап. Григорьев считал централи-

зацию Московской Руси процессом насилиственным и губительным, поэтому отдавал предпочтение «Владимиро-Суздальской Руси с ее живыми общинно-вечевыми традициями, которые он расценивал как много более перспективные, чем застойный деспотизм централизованной Московской Руси XV–XVII веков» [Носов: 137].

В отличие от Ап. Григорьева Островский не был склонен к противопоставлению государственной власти народу. Собственно, саму неудачу своей пьесы он в первую очередь связал с тем, что общественная мысль конца 1850-х – начала 1860-х гг. была охвачена «вечевым бешенством» – крайним и неприемлемым для него преувеличением роли вече в решении вопроса о дальнейшем развитии России (курсив автора. – Н. М., А. И.) [Островский 1979: 165].

На первый план в заочной дискуссии Ап. Григорьева, Достоевского и Островского вышел вопрос о роли земства. В эпоху средневековой Руси земля отождествлялась с понятиями «людства, земства, мира», на основе чего существовали выражения «помыслить крепко с миром, всей землей» (курсив автора. – Н. М., А. И.) [Щапов: 753]. В середине XVI в., во время правления Ивана Грозного, на смену вече приходит земский собор как новая форма участия народа в решении государственных вопросов, однако играющая теперь только «совещательную роль» (курсив автора. – Н. М., А. И.) [Устинов, Новицкий, Гернет: 31–32].

Ап. Григорьев в качестве политического идеала видел народное самоуправление, земский собор [Виттакер, Егоров: 310]. В письме к Н.Н. Страхову от 19 октября 1861 г. он писал: «Народ, земский собор – да (необходимый) собор Вселенский – вот во что я поверю» [Григорьев 1999: 264]. Исследователь С.Н. Носов подчеркивает: «Не централизацию, а развитие местного самоуправления, региональной политической, социальной и культурной автономии считает Григорьев желанным и позитивным в историческом развитии России» [Носов: 139].

Достоевский, уже ознакомившийся с пьесой «Минин»³, тоже высоко оценивал роль земства. В статье «Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого)», опубликованной в феврале 1862 г., он говорил о «здравом, свободном земстве, которое жило широкой жизнью в первые шесть веков нашего исторического быта» [Достоевский 20: 11], то есть до XVI в. По мысли Достоевского, в следующий, Московский период допетровской Руси XVI–XVII вв. процесс централизации власти «посягнул на права и свободу земства» [Достоевский 20: 11].

Приблизительно в это же время братья Достоевские опубликовали статьи о земстве⁴. Важна и публикация критической статьи Ап. Григорьева «Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого

уклада. Соч. Николая Костомарова» (Время. 1863. № 1). Историк Н.И. Костомаров высоко оценивал значение земства.

Закономерно, что в одной из статей, опубликованной в журнале «Время» в 1862 г., создателя «Минина» упрекали в следовании «ложным мотивам» и преувеличении роли Москвы в процессе единения народа. По мнению критика, драматург не сумел понять роль земства, «яркой вспышкой» проявившегося в эпоху 1612 г. [Сочинения К.С. Аксакова: 87].

Островский придерживался других представлений: значительное преувеличение отдельными современниками роли земства в событиях Смуты ему было глубоко чуждо. В адрес своих оппонентов он высказался: «Нашим критикам подавай бунтующую земщину; да что же делать, коли негде взять?» [Островский 1979: 165]. Знаменательно высказывание драматурга в письме к Ап. Григорьеву в конце 1862 г. о том, что «подняло в то время Россию *не земство, а боязнь костела*, и Минин видел в земстве не цель, а средство» (курсив автора. – *Н. М., А. И.*) [Островский 1979: 165]. Драматург был убежден, что главной причиной, позволившей совершившись земскому делу и обусловившей единение русских людей, стала угроза утраты Православия, лежащего в основе представлений народа о мире и о самом себе, угроза разрушения основ национальной самобытности.

По мнению Достоевского, Островский не уловил сущность «великого движения» русской истории XVII в., не понял, что единение народа выразилось в земстве. Однако подчеркнем: мысль писателя, призывающего Островского, располагалась в плоскости вопроса об отношении *государства и народа*, тогда как позиция Островского — в плане противостояния *католичества и Православия*.

Если мнения Островского и Ап. Григорьева относительно важности вече и земства не вполне совпадали, то их позиции в вопросе о значении Православия в жизни народа были близки. В 1861 г. в статье «Западничество в русской литературе» («Время, 1861, № 3) Ап. Григорьев приходит к мысли, что «связь наша с историей и бытом народа вовсе не так разорвана, <...> что кругом нас в тишине совершается жизнь, вовсе не так далекая от жизни даже XII столетия, как это кажется с первого раза» [Григорьев 1861: 25]. Закономерно встает вопрос о причинах, позволивших народу через несколько столетий сохранить отголоски глубокой старины и не утратить основы русской жизни.

Ап. Григорьев был убежден, что связующим звеном была православная вера. По мнению религиозного философа В.В. Зеньковского, «Православие было для Григорьева выявлением именно глубины русского духа...» [Зеньковский: 391]. Противопоставляя Православие «давившему и уничтожавшему

католицизму» [Григорьев 1999: 110], Ап. Григорьев выявляет существенное и определяющее различие между двумя направлениями христианства, лежащее в их природе. Православие народное (важно учитывать, что Ап. Григорьев противопоставляет народное и официальное) *органично слилось с языческими представлениями*, укрепив основы русской народности. Оно «*выросло как растение, а не выстроено* по русской земле: оно не тронуло даже языческого быта, когда он радикально ему не противодействовал», – писал Ап. Григорьев (курсив автора. – *Н. М., А. И.*) [Григорьев 1999: 110].

По мнению Ап. Григорьева, на протяжении многих столетий объединяющим началом между историей, в том числе духовной историей народа, и отдельным человеком была *православная церковь, сохраняющая в себе истоки народной жизни. В старых русских городах* только на первый взгляд все поглощено «казенщиной», но прошлое в них живо: «и старое, и связь, и предание встают перед Вами только иконостасом венчевого собора, более или менее однотипного со всеми другими» [Григорьев 1999: 110].

Островский также был убежден, что православные церкви хранят дух времени и ушедших эпох, неразрывно соединяя народ с истоками истории. Особое отношение драматурга к православной вере как к фундаменту исторической памяти народа отчасти отразилось во фрагментах его статьи «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» (1856)⁵.

К середине XIX в. формируются два пути постижения русской истории: современность осмыслилась через обращение, с одной стороны, к событиям рубежа XVI–XVII вв., способствующим выдвижению на первый план вопроса о сущности народной жизни и роли народа в кризисные моменты истории, а с другой – к периоду Петровских реформ, в связи с которым была актуализирована проблема личности правителя-преобразователя, а также отношений России – Европы.

Обращаясь к истории, Островский стремился определить причины коренных изменений патриархального мира и установления новой ценностной системы в очередную переходную эпоху – начала 1860-х гг. Главным предметом раздумий для драматурга стал период Смуты – времени, ознаменовавшего для Руси начало глубокого кризиса средневековой культуры и серьезных перемен не только в социально-политической жизни страны, но и в духовной. Выбранный драматургом путь кардинально разнился с другими современниками, в особенности с Ф.М. Достоевским, для которого на тот момент истоки современных событий виделись, прежде всего, в петровских преобразованиях.

Важно подчеркнуть: избирая этот эпизод русской истории, Островский делает центральным событии-

ем хроники не само освобождение Москвы, а *подготовку* Второго народного ополчения в Нижнем Новгороде. Очевидно, что задачей драматурга было не изображение выдающейся исторической личности, а выявление основ народного мировидения, постижение образа мысли человека того времени, живущего в свете религиозных представлений о мире.

Осмысливая художественные принципы Островского, стоящие в основе его исторической драматургии, И.А. Овчинина отмечает существенную особенность драматических хроник: «важнейшие исторические и политические проблемы осмысливаются драматургом в их тесном единстве с повседневной, будничной жизнью русских людей» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Овчинина 2000: 228]. Переломные периоды в истории страны «влияют на самоощущение нации, вносят новые штрихи в народную психологию» [Овчинина 2000: 230], русский человек осознает свою сопричастность к общей судьбе.

Островский, занявший свое место в диалогах времени, опирался на народное самосознание, увидев путь к его пониманию в народных преданиях, древнерусских текстах. Ап. Григорьев еще в 1859 г. чутко заметил, что «русская земля» хранит события в памяти народа: в преданиях и сказаниях, почему «и доселе живет той же самой жизнью XII века» [Григорьев 1859: 15]. П.В. Анненков, в своей рецензии акцентируя внимание на особенностях жанра драматической хроники, предметом которой являются «священные воспоминания народа», указывал: драматическое произведение, основанное на народных представлениях, позволяет раскрыть «поэтическую думу целой страны» и выразить «всю ее нравственную жизнь» (курсив наш. – Н. М., А. И.) [Анненков: 405]. Выдвигая этот тезис, Анненков предположил, что эту цель мог преследовать и автор «Минина». Островский, как Ап. Григорьев и П.В. Анненков, видел особую роль народных преданий для писателя, стремящегося познать самую суть народных представлений.

Как известно, Островский начала 1860-х гг. хорошо знал историю Древней Руси (см.: [Кашин; Старостина 2012]). Во время создания хроники он вновь [Старостина 1987] обратился к древнерусской литературе, в частности к сказаниям и грамотам XVI–XVII вв., в которых через Слово было явлено народное видение истории.

В «Минине», выявляя основы ценностной системы человека переломной эпохи XVI–XVII вв., Островский в связи с народным религиозным миropониманием смещает акцент с темы страха перед Страшным судом, сделанный в «Грозе» (см.: [Михновец 2019; Михновец 2023]), на тему греха как нарастающего и всеобщего, но главное – на тему осознанного греха. Народ, не боящийся Суда,

но сознающий свою вину перед Богом и сопричастность к смертоносным событиям Смуты, понимает, что терпит наказание по Божьей воле: «Воевода. За умножение грехов Господь / Нас наказал. Мы знаем всё и терпим. / Так не грешно ли против Божьей воли / Нам восставать?» (курсив здесь и ниже наш. – Н. М., А. И.) [Островский 2021: 81].

К середине XIX в. феномен Страшного суда перестает быть «предметом веры» [Панченко: 77] и воспринимается как идея, уже не имеющая воплощения в действительности. В этом контексте можно допустить, что Островский коренной перелом в духовной жизни народа: переход от страха перед Божиим Судом к собственной ответственности за содеянное – усматривал в событиях Смутного времени.

В древнерусских грамотах и сочинениях («Иное сказание»; «Сказание» Авраамия Палицына; «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Летопись о мятежах и разорениях», др.), с которыми был знаком Островский (см. об этом: [Кашин; Виноградов]), традиционные мотивы «умножения грехов», «праведного Божьего гнева» органично соединялись с идеей о народном единстве, прежде всего духовном, которое должно было стать основой крепости народа в противостоянии событиям Смуты. Постепенно мысль, направленная на поиск путей преодоления бедствий, привела народ к осознанию собственной разобщенности как одной из главных причин Смутного времени.

Произошедший мировоззренческий перелом выразился в появлении «новой, раньше мало знакомой категории понятий общественной ответственности и общественных прав» [Яковлев: 652]. В связи с этим главным героям поздних древнерусских произведений, посвященных событиям Смуты, как отмечает О.А. Туфанова, был явлен народ, который «уже не изображается как молчаливый свидетель деяний правителей и покорный воле» [Туфанова: 405]. Он оказывается ключевым участником исторических событий, именно от него зависит власть и само бытие государства. Исследовательница справедливо полагает: «Обвиняемый в грехах всеми книжниками, представителями разных сословий, этот народ мучительно решал для себя вопросы веры и неверия в чудесное спасение царевича Дмитрия, правдами и неправдами защищал свои семьи и города, организовывал себя на защиту государства, передавая рассказы о видениях, укреплявших покаянные настроения и боевой дух» [Туфанова: 405].

Говоря на языке современных представлений, Островский актуализировал вопрос об «образе будущего». Обратившись к сказаниям и документам эпохи Смутного времени, Островский уловил, что народ мыслил сакральными образами, объединяющими в народном сознании преходящий характер зем-

ной истории и ее вневременное значение. События воспринимались «с высоты их “вечного”, а не реального смысла» [Лихачев: 290]. Историческая действительность была подчинена высшим законам. В этой смысловой перспективе автор «Минина» поставил проблему идеала.

Островский не мог не заострить внимание на том, что древнерусские сочинения опираются на тексты Ветхого Завета и Евангелий. В произведениях XVII в., посвященных описанию Смутного времени, была разработана система метафор и сравнений, восходящих к библейским притчам и образам. Преобладал «религиозно-символический» [Туфанова: 404] метод изображения исторических событий и лиц рубежа XVI–XVII вв., свидетельствующий о восприятии истории неразрывно от христианских представлений.

Косвенно касаясь темы единства народа в хронике «Минин», М.М. Уманская отметила, что мысль о сплочении вокруг «вождя и руководителя» с целью борьбы с врагами «вылилась в форму метафорического уподобления народа – стаду, нуждающемуся в пастве» [Уманская: 196]. Исследовательница не прокомментировала это сравнение, ограничившись тем, что назвала образную характеристику «народ – стадо» одним из «“общих мест”, художественных штампов» исторических пьес, посвященных событиям эпохи междуцарствия (Г.Р. Державин «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806), А.К. Толстой «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Борис» (1870), др.) [Уманская: 190].

Как представляется, по отношению к «Минину» речь не идет о штампах, но о *сохранении* Островским исходной содержательности этого соотнесения. В исторической и официозной литературах XVI – начала XVII в. метафоры «народ – овцы», «стадо Христово – государство» были традиционными, прочно вошедшими в канон. Они, по мысли В.П. Адриановой-Перетц, оформились как «постоянные приемы, почти независимые от авторской индивидуальности» [Адрианова-Перетц: 102]. «Христово стадо» и сопровождающий его образ «истинного паства» использовались чаще всего в качестве устоявшихся метафорических эпитетов к русскому народу и правителям для *возвеличивания* их «в ответственный момент» [Адрианова-Перетц: 101], в частности в период установления государственности.

Ко времени создания «Минина» в отношении символовических образов стада Христова и Паства в русской культуре сложилось два плана понимания, задающих разные смысловые ориентиры. В традиции древнерусской литературы, с одной стороны, Пастьярь и стадо понимались как Христос и праведники, истинно верующие, что отвечало традиционному толкованию евангельских притч. С другой сто-

роны, Пастьярь символизировал главу государства, а стадо – его подданных.

В мировоззрении человека XVI–XVII вв. под Пастьярем зачастую понимался царь, патриарх или воевода – земные правители («Минин. <...> Ни воеводы, Печальника о нас, сиротах бедных, / Ни патриарха, ни царя. Как стадо / Без паства, мы бродим» [Островский 2021: 48]). Однако ключевым в сознании людей был закреплен образ Паства как аллегорический образ Бога, заботящегося и охраняющего свое стадо.

Со временем формируется смысловая коллизия, выраженная в следующих соотнесениях: с одной стороны, «стадо Христово – народ», с другой – «государство – овцы». Сакральное соединяется с исторически бытовым, однако если в первом случае смысловой доминантой становится тема единства Божьего народа, его сопричастность к божественному началу, то во втором – на первый план выходит тема власти.

В проблемно-тематической структуре хроники «Минин» актуален первый смысловой план: метафорический образ Божьего стада, восходящий к евангельским текстам, становится центральным и представляет народ не как стихийную массу, требующую руководства во славу единства государства, а как *нравственную общность* людей, объединенных духовно.

У Островского тема стада проходит через всю хронику, в связи с этим следует отметить, что в пьесе представлено несколько его разностатусных именований. В первую очередь, это *Божье стадо* («Семенов. <...> Расхитить Божье стадо и украсть / И погубить вконец») [Островский 2021: 18]. Образ Божьего стада предстает как идеальный образ народа, явленный в его духовном единстве и неотделимо связанный с образом Паства, возглавляющим и защищающим свое стадо.

Во втором случае, это – *стадо* («Биркин. Мы чёрный люд, как стадо, бережём, / Как стадо, должен он повиноваться») [Островский 2021: 20]. Второе именование представляет сниженный и искаженный образ стада, должного безропотно повиноваться земной власти, основанной не на любви и преданности Богу, а на принуждении и страхе.

В самом начале пьесы в разговоре дьяка Василия Семёнова и стряпчего Ивана Ивановича Биркина о смутных событиях в Москве задается смысловая оппозиция: сакральный образ *Божьего стада*, восходящий к евангельскому тексту, противопоставляется сниженному образу *стада*, в роли которого выступает «чёрный люд», в случае повиновения государственной власти. Примечательно, что далее эта смысловая коллизия усложняется. Противопоставление *Божьего стада* – повиновещемуся *стаду* становится основой в деле самоопределения народа, стоящего в период глубоких потрясений перед выбором между общим и личным благом.

И, наконец, в третьем случае, это – *стадо без Пастыря* («Минин. Осиротела Русь! <...> Как стадо / Без пастыря, мы бродим, злому волку – / Губителю добыча») [Островский 2021: 48]. Такое стадо понимается как «рассеянное» Божье стадо. Смысловой акцент делается автором на утрате Пастыря-Вождя, способного «повести народ» и защитить его. На первый план выходит проблема духовной «осиротелости», причиной которой стали разобщенность и «всесобщее шатание» народа.

Закономерно, что образ *Божьего стада* Островский отсылает – в логике ведущего для пьесы ценностного ориентира – именно к евангельским образам Христова стада и Пастыря, противопоставленного «злохитрому врагу, злоказненному диаволу» [Островский 2021: 18]. В речи Минина (3 явл., II сцена 2-го д.) об осиротелости Руси и необходимости спасать Москву [Островский 2021: 48] вводится образная триада *стадо – Пастырь – злой волк – губитель*, актуализирующая фрагмент евангельской притчи о Добром Пастыре и Наёмнике (Ин. 10: 7–16).

Знаменательно, что образ *стада без Пастыря* явлен в контексте упоминания реальных исторических событий и лиц: отсутствие царя, заточение патриарха Ермогена, убийство Прокопия Ляпунова, предводителя Первого народного ополчения, ранение князя Дмитрия Пожарского. Это позволяет говорить о переплетении двух планов пьесы: сакрального и исторического. С одной стороны, евангельский план пьесы, где смыслообразующей становится проблема духовного единства народа, с другой – исторический план, где ключевую роль играет проблема объединения и спасения народа и Руси от внешних врагов ради сохранения, прежде всего, духовной самобытности.

Итак, в 1850–60-е гг., в период споров о народном самоуправлении и государственной власти, Островский занял свою позицию, в полной мере не соглашаясь ни с одним из мнений относительно русской истории и дальнейшего пути России, высказываемых его современниками. Прежде всего, драматург сосредоточился на проблеме единства народа. Изучая исторические материалы и сочинения Древней Руси, отражающие умонастроения человека того времени, он увидел, что главное в событиях Смуты – противостояние католицизму и сохранение Православия как основы самосознания народа, фундамента его мировидения.

Драматическая хроника «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» <Первая редакция> является одним из программных произведений драматурга, где он избирает сакральный текст не только как основу для постижения истории и духа народа, но и идеал, обращенный в будущее. В хронике образ Божьего стада становится доминантным, поскольку отражает идеал духовного единения, в перспективе которого мыслит самого

себя народ, уже осознающий свою ответственность за происходящие события.

Тема народа как *нравственной общности* становится доминантной в историософских исканиях Островского.

Примечания

¹ Достоевский был далеко не одинок в таком представлении. Через пять лет, в декабре 1866 г., во время празднования 100-летнего юбилея Н.М. Карамзина, К. Бестужев-Рюмин скажет: «...но уяснили ли мы себе и теперь сущность внутреннего единства Русского народа, которое оказывается на наших глазах (например, в Галичанах)? <...> Факты мы знаем, как знал их Карамзин, но существенное понимание *тайны народной жизни* еще далеко. <...> Историю государства можно было написать; историю народа писать было рано, да рано и теперь» (курсив автора. – Н. М., А. И.) [Бестужев-Рюмин: 224]. На это высказывание наше внимание обратила Е.М. Кудрявцева.

² Ранее Ап. Григорьев в статье «Взгляд на историю России г. Соловьева» (Русское слово. 1859. № 1) определял два периода допетровской Руси: XII–XIII вв. и эпоху междуцарствия, которые со временем стали основополагающими, коренными в понимании движения российской истории и закрепились в народной памяти. По его мнению, именно эти события стали причиной серьезных изменений в судьбе Руси, оставив глубокий след в сознании народа: «Солено достались русской земле Татары да Литва <...> только их она и помнит из всего старого прошлого. Они-то и прервали связь ее с ее дотатарской жизнью, укоротили память русского человека» [Григорьев 1859: 15].

³ Достоевский, уже имевший опыт создания исторических драм (имеем в виду неоконченные им в 1840-х гг. пьесы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов») и следивший за развитием русской исторической драматургии в 1840–60-е гг., проблемно-тематическим ядром которой стали события рубежа XVI–XVII вв., весьма критически отзывался о новой пьесе Островского.

⁴ В 1862 г. вышли в свет две статьи А.П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны» (Время. 1862. № 10, 11); статьи (без указания авторства) «Дворянство и земство» и «Сочинения К.С. Аксакова» (Время. 1862. № 3).

⁵ Например, описывая места села Городня, Островский, прежде всего, делает акцент на церковных строениях и исторических сведениях о них, сохранившихся благодаря преданиям: «На правом, высоком и крутом берегу Волги... лежит село Городня. Прежде, до литовского разорения, это был город и назывался Вертяzin. В нем было три церкви: одна ка-

менная, бывшая соборною, построенная в XIII веке во имя рождества пресвятые богородицы, существует и доселе. Строение ее *предание* приписывает Тверскому князю Борису Александровичу» (курсив наш. – *H. M., A. I.*) [Островский 1978: 334].

Список литературы

Источники

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева, 1882. 358 с.

Григорьев А.А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. Москва: Наука, 1999. 473 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1972–1990.

Островский А.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 18 т. Т. 4. Кострома: Костромаиздат, 2021. 704 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. Москва: Искусство, 1978. 720 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 11. Москва: Искусство, 1979. 787 с.

Исследования

Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. С. 9–134.

Анненков П.В. О Минине г. Островского и его критиках // Русский вестник. 1862. Т. 41. С. 397–412.

Виноградов А.А. Об исторических источниках хроники А.Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 286–294.

Виттакер Р., Егоров Б.Ф. Жизнь Григорьева в письмах // А.А. Григорьев. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б.Ф. Егоров. Москва: Наука, 1999. С. 293–319.

Григорьев А.А. Взгляд на историю России г. Соловьева // Русское слово. 1859. № 1. С. 1–48.

Григорьев А.А. Западничество в русской литературе // Время. 1861. № 3. С. 1–34.

Зеньковский В.В. История русской философии. Москва: Академический Проект: Раритет, 2001. 880 с.

Кашин Н.П. Исторические пьесы А.Н. Островского // Н.П. Кашин. Этюды об Островском: в 2 т. Т. 1. Москва: Тип.-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. С. 151–261.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград: Худ. лит-ра., Ленингр. отд., 1971. 415 с.

Лотман Л.М. Историческая драматургия А.Н. Островского (1861–1865) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 6. Москва: Искусство, 1976. С. 534–557.

Лукин П.В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический вестник. 2012. № 1. С. 98–119.

Михновец Н.Г. Драма и либретто А.Н. Островского «Гроза»: исторический план в изображении патриархального мира // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 79–83.

Михновец Н.Г. Статья Ф.И. Буслаева «Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века» в контексте двух «Гроз» А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 43–50.

Михновец Н.Г. Ф.М. Достоевский и А.Н. Островский в процессе познания народа (1860-е гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 3. С. 460–478.

Носов С.Н. Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. Москва: Советский писатель, 1990. 191 с.

Овчинина И.А. «Минин» А.Н. Островского на перекрестке мнений // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 125–129.

Овчинина И.А. Этапы творчества А.Н. Островского: эстетика национального быта характера: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2000. 356 с.

Панченко А.М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 464 с.

Соловьев С.М. Исторические поминки по истории. Санкт-Петербург: Университетская тип. (Катков и К°), 1866. 20 с.

[Б. а.] Сочинения К.С. Аксакова // Время. 1862. № 3. С. 79–88.

Старостина Г.В. Древняя русская литература // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома, Шуя: Костромаиздат, 2012. С. 357–360.

Старостина Г.В. Традиции древнерусской литературы в комедии А.Н. Островского «Бедность не покор» // Русская литература. 1987. № 2. С. 63–75.

Туфанова О.А. Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2019. 440 с.

Уманская М.М. Народ в исторических пьесах Островского // Наследие А.Н. Островского и советская культура. Москва: Наука, 1974. С. 188–202.

Устинов В.М., Новицкий И.Б., Гернет М.Н. Основные понятия русского государственного гражданского и уголовного права: общедоступ. очерки. Москва: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 28–32.

Щапов А.П. Земство // Соч. А.П. Щапова: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Издание М.В. Пирожкова, 1906. С. 753–759.

Яковлев А.И. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвящ. В.О. Ключевскому. Ч. 2. Москва: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 651–678.

References

- Adrianova-Peretts V.P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi* [Essays on the poetic style of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1947, pp. 9–134. (In Russ.)
- Annenkov P.V. *O Minine g. Ostrovskogo i ego kritikakh* [On Minin by Ostrovsky and his critics]. *Russkii vestnik* [Russian herald], 1862, vol. 41, pp. 397–412. (In Russ.)
- Grigor'ev A.A. *Vzgliad na istoriui Rossii g. Solov'eva* [A look at the history of Russia by Solovyov]. *Russkoe slovo* [The Russian word], 1859, no. 1, pp. 1–48. (In Russ.)
- Grigor'ev A.A. *Zapadnichestvo v russkoi literatuze* [Westernism in Russian Literature]. *Vremia* [The Time], 1861, no. 3, pp. 1–34. (In Russ.)
- Iakovlev A.I. «Bezumnoe molchanie» (Prichiny Smuty po vzgliadam russkikh sovremennikov ee) [Insane silence (Causes of Time of troubles in the eyes of contemporaries]. *Sbornik statei, posviashchennykh V.O. Kliuchevskomu* [Collection of articles dedicated to V.O. Klyuchevsky]. Moscow, Tov-vo «Pechatnia S.P. Iakovleva» Publ., 1909, part 2, pp. 651–678. (In Russ.)
- Kashin N.P. *Istoricheskie p'esy A.N. Ostrovskogo* [Historical plays by A.N. Ostrovsky]. N.P. Kashin. *Etiudy ob Ostrovskom: v 2 t. T. 1* [Sketches about A.N. Ostrovsky: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Tipo-lit. T-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1912, pp. 151–261. (In Russ.)
- Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The poetics of Ancient Russian literature]. Leningrad, Khud. lit-ra. Leningr. otd-nie Publ., 1971, 415 p. (In Russ.)
- Lotman L.M. *Istoricheskaiia dramaturgiia A.N. Ostrovskogo (1861–1865)* [Historical Dramaturgy of A.N. Ostrovsky (1861–1865)]. Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t. T. 6* [Complete Works and Letters: in 12 vols. Vol. 6]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, pp. 534–557. (In Russ.)
- Lukin P.V. *Novgorodskoe veche: starye kontseptsii i novye dannye* [Novgorod Veche: old concepts and new facts]. *Istoricheskii vestnik* [The Historical Reporter]. 2012, no. 1, pp. 98–119. (In Russ.)
- Mikhnovets N.G. *Drama i libretto A.N. Ostrovskogo «Groza»: istoricheskii plan v izobrazhenii patriarkhal'nogo mira* [Drama and libretto by A.N. Ostrovsky “Thunderstorm”: a historical plan in the image of the patriarchal world]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, vol. 25, no. 3, pp. 79–83. (In Russ.)
- Mikhnovets N.G. *Stat'ia F.I. Buslaeva «Izobrazhenie Strashnogo suda po russkomu podlinniku XVII veka» v kontekste dvukh «Groz» A.N. Ostrovskogo* [Article by F.I. Buslaev “Image of the Last Judgment according to the Russian original of the 17th century” in the context of two “Thunderstorms” by A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. S, pp. 43–50. (In Russ.)
- Mikhnovets N.G. *F.M. Dostoevskii i A.N. Ostrovskii v protsesse poznaniia naroda (1860-e gg.)* [F.M. Dostoevsky and A.N. Ostrovsky in the process of learning about the people (1860s)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 460–478. (In Russ.)
- Nosov S.N. *Apollon Grigor'ev. Sud'ba i tvorchestvo* [Apollon Grigoriev. Fate and creativity]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 191 p. (In Russ.)
- Ovchinina I.A. «Minin» A.N. Ostrovskogo na perekrestke mnenii [“Minin” by A.N. Ostrovsky at the crossroads of opinions]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, no. 5, pp. 125–129. (In Russ.)
- Ovchinina I.A. *Etapy tvorchestva A.N. Ostrovskogo: estetika natsional'nogo byta kharaktera* [Stages of creativity of A.N. Ostrovsky: aesthetics of national life of character]: diss. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2000, 356 pp. (In Russ.)
- Panchenko A.M. *O russkoi istorii i kul'ture* [Russian History and Culture]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 464 p. (In Russ.)
- Shchapov A.P. *Zemstvo* [Zemstvo]. *Soch. Shchapova: v 3 t. T. 1* [Works by A.P. Shchapov: in 3 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Izd. M.V. Pirozhkova Publ., 1906, pp. 753–759. (In Russ.)
- [B. a.] *Sochineniia K.S. Aksakova* [Works by K.S. Aksakov]. *Vremia* [The Time], 1862, no. 3, pp. 79–88. (In Russ.)
- Solov'ev S.M. *Istoricheskie pominki po istorike* [Historical Commemoration for a Historian]. Saint Petersburg, Universitetskaia Tip. (Katkov i K°) Publ., 1866, 20 p. (In Russ.)
- Starostina G.V. *Drevniaia russkaia literature* [Ancient Russian Literature]. A.N. Ostrovskii. *Entsiklopedia* [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia], ed., comp. by I.A. Ovchinina. Kostroma, Shuya, Kostromaizdat Publ., 2012, pp. 357–360. (In Russ.)
- Starostina G.V. *Traditsii drevnerusskoi literatury v komediia A.N. Ostrovskogo «Bednost' ne porok»* [Traditions of Old Russian Literature in the Comedy of A.N. Ostrovsky “Poverty is Not a Vice”]. *Russkaia literature* [Russian Literature], 1987, no. 2, pp. 63–75. (In Russ.)
- Tufanova O.A. *Drevnerusskie pis'mennye pamiatniki o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen* [Old Russian written monuments about the Time of Troubles as an artistic phenomenon]: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2019, 440 p. (In Russ.)
- Umanskaia M.M. *Narod v istoricheskikh p'eskakh Ostrovskogo* [The people in Ostrovsky's historical plays].

Nasledie A.N. Ostrovskogo i sovetskaia kul'tura [Heritage of A.N. Ostrovsky and Soviet culture]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 188–202. (In Russ.)

Ustinov V.M., Novitskii I.B., Gernet M.N. *Osnovnye poniatiiia russkogo gosudarstvennogo grazhdanskogo i ugolovnogo prava: obshchedostup. ocherki* [Basic concepts of Russian state civil and criminal law]. Moscow, Tip. t-va I.D. Sytina Publ., 1910, pp. 28–32. (In Russ.)

Vinogradov A.A. *Ob istoricheskikh istochnikakh khroniki A.N. Ostrovskogo «Koz'ma Zakhar'ich Minin, Sukhoruk»* [On the historical sources of A.N. Ostrovsky's chronicle “Kozma Zakharyich Minin, Sukhoruk”]. *Filologiiia: nauchnye issledovaniia* [Philology. Scientific Research], 2018, no. 4, pp. 286–294. (In Russ.)

Vittaker R., Egorov B.F. *Zhizn' Grigor'eva v pis'makh* [Grigoriev's life in letters]. A.A. Grigor'ev. *Pis'ma* [A.A. Grigoriev. Letters], izd. podgot. R. Vittaker, B.F. Egorov. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 293–319. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Raritet Publ., 2001, 880 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.